Научная статья
Original article
УДК 81:34

ИСТОКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
THE ORIGINS OF LEGAL LINGUISTICS

Шагиева Гульнара Рифовна, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, gulnara-shagieva@mail.ru

Shagieva Gulnara Rifovna, senior lecturer of the police training chair of Ufa Law Institute of the Russian Interior Ministry, gulnara-shagieva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методы, применяемые в юридико-лингвистических исследованиях. Акцентируется внимание на эпистемологическом интерес, который привел к появлению и последующему расширению основных юридических и лингвистических знаний. Автор фокусирует внимание на развитии понимания проблем в новых юридических лингвистических исследованиях, а также на результатах исследований, рассматриваются некоторые методологически приемы, которые обогащают и вдохновляют современную юридическую лингвистику. В статье прослеживается концептуальная линия, в которой возникли парадигмы юридико-лингвистических исследований также исследования отдельных слов закона и стиля, используемого юристами.

Annotation: The article discusses the methods used in legal and linguistic research. Attention is focused on the epistemological interest, which led to the emergence and subsequent expansion of basic legal and linguistic knowledge. The author focuses on the development of understanding of problems in new legal

linguistic research, as well as on the results of research, examines some methodological techniques that enrich and inspire modern legal linguistics. The article traces the conceptual line in which the paradigms of legal and linguistic research arose, as well as the study of individual words of the law and the style used by lawyers

Ключевые слова: исследования языка права, юридическая лингвистика, метод, лингвистические исследования, юрист, лингвист.

Keywords: legal language studies, legal linguistics, method, linguistic research, lawyer, linguist

Изучение юридического языка в научных контекстах начинается с появления эпистемологического интереса к юридико-лингвистическим вопросам. Этот интерес не мог быть удовлетворен в существующих областях знаний, и особенно в правовой доктрине, которая сосредоточена на содержании правового регулирования, а не на способе передачи этого регулирования. Поэтому эвристический скачок стал необходимым для того, чтобы создать самостоятельную область знаний, чтобы ответить на вопросы, которые возникали, когда лингвисты и социологи обращались к языку права. Новая область знаний, которая называется юридической лингвистикой, возникла не сразу. Она прошла этапы, часто воспринимаемые как окончательные, но в конечном итоге оказавшиеся временными, такие как междисциплинарное изучение права и языка, чтобы достичь более высокого уровня и охватить более широкий круг. Чтобы выполнить задачу по созданию новой области знаний, лингвистам-юристам нужен был метод. Однако этот метод не мог быть ни чисто лингвистическим, ни чисто юридическим. Следовательно, лингвистам-юристам необходимо было выйти за рамки методологических областей лингвистики и юридических исследований, чтобы сформулировать набор методологических предпосылок, которые можно было бы назвать юридико-лингвистическими. Таким образом, предварительные методы были выработаны из различных областей

знаний и методологических подходов, которые позволили продолжить юридико-лингвистические исследования более систематическим образом.

Пионеры юридической лингвистики, такие как Д. Меллинкофф, Э. Бюлов, Х. Маттила и П. Тиерсма исследовали юридический язык и описали его характерные особенности. Первоначально лингвисты-юристы определили юридический словарь как область своих специфических интересов. Однако вскоре им пришлось приспособить свою узкую концепцию юридического языка к результатам своих исследований. Им пришлось расширить свой подход к юридическому языку и охватить нечто большее, чем просто юридический словарь. Это означало, что необходим переход от лексики, которая была исключительно юридической к словам закона в более широком контексте, которые появляются в правовых условиях. Кроме того, первоначальный интерес к юридическому стилю привел ученых к рассмотрению более широких языковых единиц, которые выходят за рамки изолированной лексики и состоят из лексем и синтагм, составляющих юридические термины. Лингвисты-юристы обнаружили, что юридическая терминология, которая поразила их в первую очередь, функционирует в рамках более широких лингвистических структур и что она лучше понимается внутри них, чем изолированно. Этими более широкими лингвистическими структурами были тексты, письменные и устные. Тем не менее юридические тексты оказались многогранными, так что их дальнейшая классификация по типам юридических текстов стала необходимой для объяснения того, как работает юридический язык. Стало также очевидным, что не юридическая терминология, а тип юридического текста представляет собой основную проблему в понимании юридических текстов. В настоящее время, в эпоху Интернета, говорящий может относительно легко объяснить неизвестное слово в юридическом тексте, однако текстовые структуры, в которых выражается закон, являются более сложными, поскольку закон проявляется в систематически взаимосвязанных текстовых единицах, таких как положения в юридическом кодексе. Взаимосвязи текстовых структур не видны в текстах и поэтому вызывают проблемы при их понимании. Никакие

легкодоступные фактические знания на экране смартфона не позволяют нам объяснить такую структурно сложную текстуальность закона. Это открытие касается как профессионалов в области права, так и непрофессионалов, потому что и те и другие способны справляться с незнакомыми словами, но они гораздо менее опытны в обращении со сложными текстовыми структурами. Более того, юридические тексты не являются статичными и заранее сформулированными. Они возникают в юридических дискурсах, которые формируют юридические тексты, как устные, так и письменные.

Появление в XX веке области научных исследований, называемой юридической лингвистикой, было вызвано возросшим интересом лингвистов и теоретиков права к той роли, которую язык играет в праве.

Наиболее яркая юридико-лингвистическая проблема, которая привлекла внимание исследователей и вызвала появление юридической лингвистики, носила семантический характер. Это касается, прежде всего применения права, которое воспринимается не только лингвистами-юристами как центральная проблема юридической науки и юридической лингвистики. Для одних ученых закон предстал как вопрос слов, для других - как вопрос особого стиля рассуждений, выраженного в языке, построенном вокруг концептуальных структур.

Юристы еще с древности знали об особой роли языка в праве, но все же они подходили к языку интуитивно или в лучшем случае с помощью средств философского анализа, который был впечатляющим, но слишком общим, чтобы охватить специфические особенности юридического языка. Юристы занимались также коммуникативными аспектами права, но в основном на периферии своих исследований. Причина этого несоответствия, по-видимому, заключается в том, что юридической науке не хватало подходящего метода для подхода к праву в его лингвистическом понимании. Общая лингвистика прошлого века, начиная со структурализма, генеративной трансформационной грамматики, нео- и постструктурализма, а позже также общая семиотика, лингвистическая прагматика, теория дискурса и когнитивная лингвистика предоставили более подходящие

лингвистические исследовательские матрицы для подхода к конкретному объекту исследований, который назывался юридическим языком, теоретически более обоснованным образом. Прикладная лингвистика с ее опытом в области терминологических исследований, перевода и глоттодидактики внесла дополнительные теоретические знания, которые направили юридические лингвистические интересы в форму выражения, которая позволила включить юридические лингвистические исследования в более широкие контексты социальных наук. Это направление интереса юристов и социологов к языку права привело к многочисленным юридическим лингвистическим исследованиям, доступным сегодня. Данное исследование имеет двойную структуру, что делает форму выражения в юридической лингвистике более понятной. В частности, некоторые лингвисты-юристы воспринимали юридическую лингвистику как дополнительную область знаний в существующей правовой теории и правовой доктрине, которая доминирует в изучении права. Другие лингвисты-юристы более критически отнеслись к появлению интереса к юридико-лингвистическим предметам и подчеркнули недостатки традиционной правовой доктрины и чрезмерно широкий и неопределенный подход к юридическому языку. Действительно, традиционные юридические исследования оказались в значительной степени недостаточными в этом направлении, поскольку они в основном раскрывали лингвистический характер права, как в преподавании, так и в исследованиях, но не смогли убедительно интерпретировать обнаруженные ими проблемы. На самом деле право – это лингвистический феномен, потому что оно проявляется лингвистически и никак иначе. Нет особого смысла исследовать это как что-то другое. Между тем, юристы, которые исследовали право, т.е. его язык, поскольку они не могли исследовать ничего другого, приблизились к языку закона, используя все, кроме лингвистических методов. Их методы были в основном ограничены позитивистскими доктринальными исследованиями, которые восходят к средневековью. Такая в значительной степени имплицитная методология не смогла удовлетворить юридические

лингвистические амбиции. На этом этапе лингвисты-юристы проявили себя как ученые, способные выявлять, решать и прояснять проблемы, обнаруженные в доктринальных и общих теоретико-правовых исследованиях. Юридическая лингвистика начинала формироваться. Между тем, уже в самом начале юридической лингвистической исследовательской деятельности два типа интереса к юридическим лингвистическим вопросам стали отличительными в различных видах юридических лингвистических исследований, которые сегодня представляют собой либо позитивные, либо критические позиции в исследовании юридического дискурса. Таким образом, парадигматически все исследования юридического языка можно разделить по идеологическим признакам как позитивные или критические по отношению к праву и его институтам. А с точки зрения эвристики, необходимо подчеркнуть, что юридическая лингвистика в силу специфических условий, в которых возник интерес к юридико-лингвистическим вопросам, была не механическим применением лингвистических знаний к праву, а попыткой создать новую область знаний, которая прояснила бы проблемы, обнаруженные юристами и лингвистами. Она стала поистине увлекательной областью научных исследований.

Рост интереса к юридико-лингвистическим вопросам привел исследователей к рассмотрению положений, которые они определили как центральные и, следовательно, заслуживающие тщательного изучения. Особый словарный запас юристов, воспринимаемый некоторыми как загадочный, послужил отправной точкой для многих, чтобы иметь дело с языком закона. Для других юридический стиль был решающим для определения характера юридического языка, который начал появляться из растущего числа публикаций по обеим названным темам со второй половины девятнадцатого века, в основном в Европе. Оба направления соответствовали интересам в вопросах, которые можно назвать лингвистическими в юридическом позитивизме девятнадцатого века. Юридические позитивисты были заинтересованы в улучшении того, что означало для них более точную

формулировку законов, поскольку они надеялись, что лингвистически точные формулировки могут решить проблему применения закона.

С древности задача применения абстрактно изложенного закона к делу, решение которого должен был принять судья, воспринималась как обременительная. Поэтому юридические позитивисты девятнадцатого века надеялись, что, когда юридический язык, который для них состоял из юридических понятий, станет однозначным, все проблемы права будут решены или, по крайней мере, упрощены. На современном этапе развития юридической лингвистики известно, что все эти надежды были тщетны, поскольку язык не может быть искусственно предопределен и семантически заморожен. Даже самые точные юридические понятия всегда будут оставаться неопределенными в определенном смысле. Дискуссия о юридическом стиле велась с учетом той же позитивистской идеи. В нем предполагалось, что чем точнее будут способы выражения права в уставах и судебных решениях, тем выше также будет степень правовой определенности в судебных решениях.

Активизация исследований в области юридического перевода и практические потребности в более глубоком знании этой области привели лингвистов-юристов к другой центральной традиционной юридико-лингвистической проблеме. Было обнаружено и четко указано, что юридический перевод специфичен в том смысле, что юридические языки, которые функционируют для коммуникации в правовых системах, могут оказаться концептуально несовместимыми при сравнении для целей перевода. Между тем, само существование многих переведенных с пользой юридических текстов и возможность исправления существующих юридических переводов предполагали противоположный теоретический вариант. Теория Скопос, разработанная в общих исследованиях перевода, сыграла важную роль в решении самой фундаментальной проблемы юридического перевода. В нем утверждалось, что нельзя ожидать полной эквивалентности исходного и целевого языков при переводе. Между тем, когда конкретная задача, стоящая перед переводчиком, была должным

образом определена, перевод стал возможным и даже удовлетворительным. Таким образом, первоначальная фундаментальная проблема юридического перевода была решена. Некоторые теоретики юридического перевода слишком часто принимали концепцию эквивалентности, которая не подходила для естественных языков. Они перепутали математическое сходство (своего рода логическую идентичность) с коммуникационной эквивалентностью, которая функционирует на языках, на которых мы говорим ежедневно, а также на юридическом языке. Таким образом, благодаря этому разъяснению был проложен путь к созданию теории юридического перевода и юридический перевод превратился в особую область юридической лингвистики, которая доминирует в работе многих лингвистов-юристов. Эта теория охарактеризовала природу юридического перевода и развила дополнительные положения, которые актуальны сегодня, такие как обеспечение качества и использование инструментов перевода. Такое положение дел показывает и доказывает, что юридическая лингвистика в своих многочисленных исследованиях по юридическому переводу актуальна для общества, но также необходимо подчеркнуть, что юридическая лингвистика не может быть сведена только к вопросам юридического перевода, которыми, в свою очередь, также не следует пренебрегать.

Примерно в первой половине двадцатого века многие лингвисты-юристы считали, что они определили наиболее актуальные области юридико-лингвистического исследования, то есть юридическую терминологию и юридический стиль как составляющие юридического языка, а также проблему терминологической эквивалентности в юридическом переводе. Часть современных лингвистико-правовых исследований по-прежнему демонстрирует привязку к такого рода осознанию проблемы, однако, на другом и более высоком уровне абстракции. Первоначальный интерес к изучению отдельных юридических терминов, которые соответствовали юридическим концепциям, исследованным юристами, оказался разочаровывающим, поскольку лингвистическое знание характерных

особенностей языка противоречило надеждам юридических позитивистов. Интерес к юридическому стилю также оказался разочаровывающим, поскольку традиционные методы анализа стиля не принесли никаких результатов, которые могли бы подтвердить тезис об особенностях юридического языка.

Явный интерес к языку права привел одновременно к появлению различных, не только строго юридических, лингвистических подходов, направленных на разъяснение языка права. Наряду с юридической лингвистикой в различных эпистемологических и парадигматических контекстах возникли юридические и лингвистические исследования, а также судебная лингвистика. Изучение права и языка ориентировано на установление диалога между юристами и лингвистами по вопросам, представляющим их общий интерес. Первоначально предполагалось, что в этих исследованиях юристы и лингвисты будут обсуждать вопросы, представляющие общий интерес с точки зрения позиции их соответствующих методических подходов к обсуждаемому предмету. Сегодня изучением права и языка также занимаются специалисты, которые регулярно занимаются вопросами, обсуждаемыми в юридической лингвистике. Судебная лингвистика возникла как практическая область, где лингвисты помогали судебным учреждениям и полиции в решении проблем, используя свои профессиональные знания. Многие судебные лингвисты сегодня продолжают заниматься вопросами юридической лингвистики, сохраняя интерес к практическому применению лингвистических знаний в сотрудничестве с юридическими институтами.

Развитию судебной лингвистики способствовало осознание эффективности применения лингвистических знаний в сфере судопроизводства. Лингвистическая экспертиза письменных документов с целью установления их авторства, изучение фонетических особенностей голоса (его записи) с целью определения его принадлежности конкретному человеку – все это нашло широкое применение в судебном разбирательстве .

Не каждое исследование юридического языка относится к юридической лингвистике. Это не означает, что подходы к юридическому языку, разработанные в рамках иных, чем юридико-лингвистические парадигмы, были бы неуместны. Они скорее дополняют друг друга, поскольку показывают множество точек зрения и тем, которые правовая доктрина как главный представитель юридической науки была склонна отрицать или игнорировать.

Юридическая лингвистика не является изолированной среди областей знаний, заинтересованных в изучении юридического языка. Это положительная черта в развитии исследовательской деятельности, потому что, как правило, если смотреть с точки зрения юридической лингвистики, любой интерес к юридическому языку является ценным.

Начало любой исследовательской деятельности в разных частях мира и отдельными исследователями или группами исследователей может привести к терминологическим различиям, которые могут быть методически значимыми или в значительной степени незначительными. Это также относится и к исследованию языка права. Этот вопрос касается в юридико-лингвистических исследованиях так называемой проблемы именования. Вопрос как таковой сегодня не решен. Можно предположить, что термин «юридическая лингвистика» возник в Континентальной Европе. Его первыми пользователями были континентальные европейцы, которые также использовали английский язык в своих писаниях. Первоначальный термин был особенно продуктивно использован во Франции как «лингвистическая юриспруденция» и в Германии как «юридическая лингвистика», который был определен в лекциях немецкого лингвиста Э. Бюлов по юридической лингвистике. Во многих европейских странах этот термин использовался в буквальном переводе как «правовая лингвистика».

В своих англоязычных трактатах профессор юридической лингвистики Х. Маттила начал называть свои многоязычные исследования юридического языка сравнительной юридической лингвистикой. В англоязычном мире также используется термин «юридическая лингвистика».

Юридическая лингвистика – это не вопрос разбросанных слов, а дисциплина, которая методично исследует юридический язык. Поэтому решающим для наименования таких видов деятельности является методологический выбор, осуществляемый исследователем, а не создание художественной концепции. Самое главное, чтобы объект исследования и метод, применяемый при его изучении, были четко выражены в его названии, каким бы ни был окончательный выбор. Между тем, из-за сближения позиций в юридической лингвистике, юриспруденции и лингвистике и судебной лингвистике прослеживается их слияние.

Объектом юрислингвистики является взаимоотношение языка и закона и прежде всего отношение языка к закону (юридический аспект языка). Юридический аспект языка охватывает те естественные языковые проявления, которые «сами в себе» содержат элементы права, в каждом из которых можно увидеть определенные потенции юридизации. Говоря о юридизированных проявлениях естественного языка, автор подразумевает, прежде всего, языковые нормы, как стихийные, так и – особенно – кодифицированные. В определенном смысле их приближение к юридической сфере означает необходимость достаточно высокой степени канонизации естественных «прав» языка и носителей языка.

История размышлений о роли языка в праве отличается от истории научной дисциплины, называемой юридической лингвистикой. Прямую ссылку на язык права можно сделать на древнегреческих ораторов, таких как Коракс, а также на труды древнеримских юристов.

В Средние века Фома Аквинский сформировал средневековую идеологию права для западного мира. Также важно подчеркнуть, что судьи, особенно судьи общего права, в своих юридических заключениях выражали мысли, которые подразумевают современные. Поэтому везде, где в древности и в Средние века упоминались вопросы диалектики и риторики в контексте формирования или применения права, можно считать такие труды как относящиеся к истории юридико-лингвистической мысли. «Риторику» Аристотеля можно назвать библией лингвиста-юриста, поскольку она

знаменует собой начало теоретического исследования юридического языка, а также предвосхищает многие юридические лингвистические темы.

Работа с юридико-лингвистическими корнями, задокументированными в научных трудах, затруднена, поскольку часто рассматриваемая работа не касается в первую очередь юридического языка. Например, латинский трактат под названием «Риторика для Геренния», посвящен общим вопросам классической риторики. Тем не менее, в нем также упоминаются, хотя и незначительно, вопросы, имеющие первостепенное значение для юридико-лингвистических исследований. Важные юридические лингвистические знания часто упоминаются на полях исследований, посвященных правовой доктрине и общей теории права, учеными, которые не называют себя юридическими лингвистами. Поэтому лингвистам-юристам приходится извлекать юридико-лингвистические знания из этих работ, которые лишь косвенно являются юридико-лингвистическими. Тем не менее, этими работами не следует пренебрегать, поскольку они содержат ценные наблюдения и наглядные примеры правового языка. Поэтому в исторической перспективе, интеллектуальная система отсчета лингвистов-юристов выглядит неравномерной, поскольку их позиции в лингвистике и в юридических исследованиях значительно различаются. Между тем, можно реконструировать набор теоретических постулатов, которые уходят своими корнями в некоторые классические области теории права, юридической семиотики и общей лингвистики. Эти постулаты имеют основополагающее значение для развития полноценной юридической лингвистики будущего.

Исследования, которые называют себя юридико-лингвистическими, появились во времена появления юридической семиотики. Поэтому оправданно задаться вопросом, в каком отношении находятся юридическая семиотика и юридическая лингвистика друг к другу. Ответ на этот вопрос во многом зависит от точки зрения о роли, которую юридическая семиотика играет в общих правовых исследованиях. Некоторые исследователи воспринимают юридико-семиотическую область как ограниченную невербальной коммуникацией, для других она явно касается основ любой

коммуникации, и особенно вербальной коммуникации. Из-за специфики права невербальное общение в нем ограничено. В отличие от нашего повседневного общения, которое может быть эффективным также невербально или где возможна замена вербального общения невербальным действием, юридическое общение – это прежде всего вербальное общение. Между тем право как социальное явление проявляется и визуально. От жестов участников судебного процесса, хихиканья публики во время судебного разбирательства, мантий судей или их отсутствия до архитектуры зданий судов и мест содержания под стражей, право как социальное явление также состоит из невербальных элементов, таких как названные. Хотя нет никаких доказательств того, что визуальные аспекты права влияют на решения, принимаемые судьями, эти элементы ясно показывают, как закон толкуется его авторами и теми, кто с ним сталкивается.

Другой важной областью юридико-семиотических исследований в юридической лингвистике являются вопросы, касающиеся оценки фактов в праве. Между тем, наиболее важной областью пересечения юридической семиотики и юридической лингвистики является область, касающаяся структуры юридических знаков с точки зрения возникновения смысла в праве. Правовая семиотика, основанная на общей семиотике, исследует признаки права. Общая семиотика охватывает все знаковые системы, как вербальные, так и невербальные. Его основная задача – объяснить, как социальные коммуникативные системы производят знаки, позволяющие ориентироваться в обществе. Это происходит по аналогии с выявлением признаков в природе. Между тем юридическая семиотика – это не только идентифицирует юридические знаки, но и тщательно изучает процедуры, в которых мы используем их, пытаясь общаться, то есть понять, что на самом деле означают знаки в отдельности или в сложных структурах. Поскольку интерпретация знаков является одним из центральных вопросов общей семиотики, юридическая семиотика является основополагающим методологическим слоем во всех юридико-лингвистических подходах. Какой

бы ни был подход к построению смысла, он всегда семиотический, явно или неявно.

Таким образом, лингвистика – это по преимуществу семиотическая дисциплина. Юридическая семиотика является предварительной для всех юридико-лингвистических исследований. Это пропедевтика юридической лингвистики. Кроме того, она охватывает видимые аспекты права или юридических вопросов, которые часто остаются за пределами основных интересов в юридико-лингвистических исследованиях.

Язык как лингвистическое понятие коренится в логике. Логический и лингвистический анализы по своей природе тесно взаимосвязаны. Поэтому представляется естественным обратиться к логике юридического языка. Теоретики права интересовались этим вопросом, поскольку они предполагали, что акт применения права может быть описан как силлогизм, представляющий собой логическую фигуру, представляющую рассуждение. Сегодня известно, что силлогистические рассуждения не соответствуют лингвистической и логической реальности процессов принятия решений в области права. Энтимема, известная со времен Аристотеля, лучше подходит для описания деятельности судей. Лингвисты-юристы исследуют вопрос как логические отношения и конструкции отражаются в юридическом языке. Другие аспекты логических последствий в юридическом языке касаются деонтической модальности, потому что юридический язык выражен в уставах в логической форме нормы. Нормативность имеет специфическую модальность в юридическом языке, которая начинается с юридического «должен» или юридического «мочь» и охватывает многочисленные глаголы и связанные с ними лингвистические структуры, которые используются для выражения деонтической модальности в праве.

Логика также внесла свой вклад в еще одну постоянную тему для юридических лингвистических исследований. Наследием междисциплинарных исследований в области права и языка является анализ взаимосвязи между юридическими терминами и юридическими понятиями. Юристы интересуются концепциями, потому что правовая доктрина

практикуется со времен древних римлян как концептуальное создание и концептуальный анализ. Лингвисты в первую очередь имеют дело с терминами, поскольку термины непосредственно отражают языковую реальность. В юридической лингвистике размышления о связи между юридическими понятиями и юридическими терминами были начаты и развиты в работах Х. Маттилы. Х. Маттила определил юридический термин как лингвистическое выражение юридической концепции. Позже, исследование многозначности и синонимии в юридическом язык был связан с этим определением.

Научный интерес к вопросам, связанным с юридическим языком, сформировал новую область знаний, названную юридической лингвистикой. Бессистемные знания о юридическом языке имеют более давние корни и уходят корнями в глубокую древность. Между тем, точно сформулированные исследовательские программы и исследования юридического языка появились относительно поздно, только в течение двадцатого века. Они привели к накоплению знаний, которые сегодня позволяют систематически преподавать и исследовать юридический язык. Юридико-лингвистические исследования, которые первоначально касались некоторых отдельных тем, которые считались характерными чертами юридического языка, расширились до области знаний, охватывающей сегодня все социально значимые аспекты использования языка в юриспруденции. Парадигматический переход от анализа юридической лексики к анализу дискурса привел к появлению современной юридической лингвистики. Эта современная юридическая лингвистика расширила область своих исследований, чтобы охватить все лингвистически значимые операции в праве. С юридико-лингвистической точки зрения юридическая лингвистика представляет собой наиболее актуальную теорию права, то есть теорию юридического языка.

Литература

1. О. В. Барабаш. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы Вестник Пензенского государственного университета № 2 (6), 2014.

2. Кузнецов А.М., Бурдин Л.С., Солнцева Н.В. Юрислингвистика (Язык и право): Научноаналитический обзор // РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Редкол.: Кузнецов А.М. (отв.ред.) и др. – М., 2006. –с. – (Сер.: Теория и история языкознания). – Библиогр.: С. 91–94.

References

1. O. V. Barabash. Legal Linguistics: Origins, Problems, Prospects Bulletin of Penza State University No. 2 (6), 2014.
2. Kuznetsov A.M., Burdin L.S., Solntseva N.V. Legal linguistics (Language and law): A scientific analytical review // RAS. INION. The Humanit Center. scientific-inform. Research Department. linguistics. Editorial board: Kuznetsov A.M. (ed.) and others – M., 2006. –S. – (Ser.: Theory and History of Linguistics). – Bibliogr.: pp. 91-94.

© Шагиева Г.Р., 2022 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» № 5/2022.

Для цитирования: Шагиева Г.Р. ИСТОКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» № 5/2022.